

ДВА СНАЙПЕРА

В поезде Москва – Одесса я ехал в Приднестровье, в Тирасполь. Со мною в купе, тоже до Тирасполя, ехал снайпер-доброволец, а мужчина с молодой девушкой ехали в Одессу.

Снайпер был немного выпивши, возбужден, выпоил мужчине, который назвался новым русским, девушке и себе бутылку с чем-то и ушел добавлять. Я залез на верхнюю полку и то дремал, то пытался чего-то читать. Мужчина внизу непрерывно и сердито шептался с девушкой. О чем, я и не прислушивался.

Девушка вдруг вскочила, оттолкнула мужчину, громко сказала: «На первой же остановке!» – и вышла из купе. Я зашевелился, обнаруживая свое желание спуститься.

Совершенно неожиданно мужчина, новый русский, стал говорить, что вот эту девушку он нанял, он даже сказал, что купил, ехать с ним в заграничный круиз.

– Греция, понимаете, Кипр, Израиль. А она – видели? – заявляет, что хочет обратно, мамы боится. Мамы! Мы так не договаривались.

– А как договаривались?

– Чтоб без проблем. Путёвка, потом еще особая плата и – до свиданья. Мама! Лучше б я её маму взял. Мне не трудно ее обратно отправить, женщину я и в Одессе куплю, но опасно. Почему? У меня дружок купил, а домой, жене, заразу привез. Это ж Одесса, там любую со СПИДом подхватишь, а справку принесет, что здоровая.

Девушка вернулась в купе, достала огромный специальный ящичек для косметики и принялась демонстративно наводить красоту на свое и без того хорошенькое личико. Мужчина опять стал ее уговаривать. Чтоб им не шептаться, я вышел в коридор. Сосед-снайпер всю дымил еще с одним мужчиной, который оказался... тоже снайпером. Они курили и говорили, что это не дело, когда девчонки идут в снайперы. Вон в Бендерах были «стрелочницы» из Прибалтики, это не их дело, это дело мужское. Видно было, мужчинам не терпелось пострелять.

Из нашего купе вышли мужчина с девушкой. Проходя мимо, новый русский мне, как посвящённому в его дела, доложил торопливо и вполголоса: «В ресторан уговорил!»

Я вернулся в купе, завалился на полку и не просыпался до утра, до самой украинской таможни. В вагон вошли такие гарные хлопцы, такие дуже здоровые парубки, что, если бы они не паспорта проверяли, а землю пахали, Украина завалила бы всех пшеницей. В Канаду бы продавала. Хлопцы были в форме, похожей на запорожскую, были все с усами, говорили подчеркнуто на украинском. Нам было предложено «гэть из купе», чтоб они обыскали и купе, и вещи. Мужчина успел радостно сообщить, что девушка обещала подумать, что он увеличил ей плату. «Мне ж это дешевле, но даже и не деньги, но чтоб с другой не ввязаться, к этой все ж таки привык».

Таможенники «прикопались» только ко мне. Зачем я еду?

– Мне же интересно видеть самостийную, незалежню, незаможню Украину.

– Шутковать нэ трэба, – сказал мне усатый таможенник. – Вы письменник?

– Да, радяньский письменник. Царапаю на ридной русской мове.

– Нэ шутковать.

– Какие шутки. Можете записать, что я украинский письменник, пишущий на русском диалекте.

– На яком диалекте?

– На русском. Это следствие, рецидив, так сказать, имперского мышления.

Слово «имперское» могло погубить, но, на мое счастье, таможенника отозвал офицер.

Потом была молдавская таможня, потом приднестровская. Я уж решил лучше молчать. Снайпер тяжело приходил в себя. Он встряхивал головой, поводил мутными, плохо прицеливающимися глазами, наконец попросил меня выйти и посмотреть, есть ли в коридоре тот снайпер. Я посмотрел – никого. Тогда он соскочил с полки, сбегал умылся, сел напротив и сказал:

– Всё очень серьезно. – Он закрыл купе изнутри. Соседи наши уже ушли в ресторан завтракать.

– Что серьезно?

– Того снайпера видел вчера?

– Ну.

– Он не к нам едет. Он к румынам едет, понял? Он с той стороны будет стрелять. Он, гад, за деньги нанялся, я-то из патриотизма, ну, гад! А мы вчера разговорились, а он-то думал, что я тоже нанятый. Ты, говорит, за сколько и на сколько контракт подписал. Тут-то и открылось. Ну, брат, дела. Он дальше поедет, до Кишинева, я до Тирасполя. – Снайпер покрутил головой. – Чего делать?

– А чего ты сделаешь? Вы как договорились – друг в друга не стрелять? Или ты его свалишь, вот и деньги некому получать.

– Семье заплатят, он сказал, семья у него в Москве. Да он, гад, ему все равно, он и за нас стал бы стрелять, но тут не платят. Он говорит: ему все равно, лишь бы бабки. Этим девкам из Прибалтики много платили. Но они, сучки, даже по детям стреляли. Это-то он не одобряет. – Снайпер опять покрутил головой: – Достань чего-нибудь, не дай помереть.

Тут с завтрака вернулись соседи. И на удачу, новый русский прихватил какого-то заморского пойла и щедро стал угощать резко ожившего снайпера. Девица снова углубилась в работу над своей мордашкой. Она решила в Тирасполе выйти, подышать, погулять по перрону. Мужчина ткнул меня сзади в спину и подмигнул, мол, все в порядке, больше, мол, не капризит.

И ещё раз пришли какие-то пограничники, а может быть, еще какие таможенники, я уж в них запутался. Нас снова, но теперь на русском языке, попросили выйти. Вышли и из других купе. Мы теснились в проходе. Вышел и тот, едущий до Кишинева снайпер. Тоже явно с головной болью. Снайперы обменялись взглядами. Наш, уже опохмелившийся, глядел побойчей.

Поезд стал тормозить. Я думал, нам еще долго ехать, а оказывается, мы уже приехали.

ДУНАЙСКОЕ ПОХМЕЛЬЕ

Север Болгарии, Силистра, набережная Дуная, осень. Я сижу у стоящего на постаменте танка Т-34 и погибаю с похмелья. Накануне был торжественный вечер, перешедший в еще более торжественную ночь. Здравниц пять или больше я сказал о русско-болгарской дружбе, мне отвечали тем же. Мои сопровождающие переводчики Ваня и Петя курили и хлопали кофе, делать им было нечего, в Болгарии все, по крайней мере тогда (это было в 1985 году), понимали по-русски. Конечно, пели: «Дунай, Дунай, а ну узнай, где чей подарок», конечно, клялись в любви до гроба. Под утро я упал в своем номере, но вскоре вскочил. Меня подняла мысль: я еще не умылся из Дуная.

До чего же я любил Болгарию! Всё в ней незабываемо, всё такое прекрасное, женственное: и юг, и побережье, и горы. В ушах стояло птичье разноголосие Среберны, в памяти зрения навсегда запечатлелись скальные монастыри, Купрившиц, Сливен, Пловдив, Русе, Жеравна, Велико Тырново, Варна. Теперь вот Силистра, Дунай. Но до Дуная еще надо было пройти метров сто. Я решил посидеть у танка, всё-таки свой, уральский, может, он даст сил. Дал. Я немножко заправился из посуды под названием «Каберне», вздохнул и огляделся. Осень. Ну, осень, она везде осень. Листья падают под ноги деревьям, шуршат. Хорошо, тихо.

Ощущение счастья охватило меня. Никого не обидел, никому не должен, ни перед кем не виноват. Все проблемы потом, в России, а пока счастье: дружба, братство, любовь и взаимопонимание. Тем более до обеда свобода, беспривязное содержание. Искать не будут, я оставил записку Ване и Пете. Да, ведь Ваня и Петя – это не мужчины Иван и Петр, это женщины, это имена такие женские в Болгарии – Ваня и Петя. Переводчицы мне достались непьющие, но зато непрерывно курящие. Едем с ними – курят без передышки, я погибаю. Вот остановили машину, вышли. «Ваня, кури, пока стоим, Петя». «На воздухе неинтересно, – отвечают Ваня и Петя, – надо же иногда и подышать». Садимся в машину, они начинают смолить. Да ещё обе пьют страшное количество чашек кофе. А так как я кофе совсем не пью, то это для Вани и Пети очень подходит. Они на меня заказывают сразу четыре чашки, а потом эти чашки у меня утаскивают. А заказать чай, по которому тоскую, вроде уже неудобно, поневоле хлещу сухие болгарские вина.

Увы, вчера были не только они. Но сегодня, решаю я, только сухое. Только. Хотя бы до обеда. На обеде, а тем более вечером, всё равно пить и говорить здравицы о дружбе. Не тосты, именно здравицы. Тосты – слово, нам навязанное. Тем более болгары, поднимая бокалы, говорят: «Наздрав!»

Ну, наздрав, говорил я себе, всё более оживляясь от солнечной виноградной лозы. Наздрав! Наздрав-то наздрав, а одному становилось тоскливо. Да, умыться же из Дуная. Я быстро пришагал к берегу, спустился к воде. Недалеко рыбак возился у лодки.

– Доброе утро, брат! – крикнул я.

– Добро утро! – откликнулся он.

Вот с кем выпью. А пока умоюсь. Есть же славянская примета: умыться за год из двенадцати рек – и помолодеешь. А Дунай надо считать за три реки, не меньше: по всему же славянскому миру течет.

– Эй, эй! – услышал я крик. – Не можно, не можно! Химия, химия!

– Что делать, везде экология, – сказал я, подходя к рыбаку.

Мы поздоровались. Рука у него была могучая. Но я вроде тоже крепко тиснул.

– Нож у тебя есть? А то я первую открывал, палец чуть не сломал.

У него были и нож, и штопор, и стаканы. Правда, не граненые, пластмасса. Звуку от чоканья не было, но выпили от души. И допили от души.

– Слушай, – сказал я, – у меня ещё одна есть. Но знаешь чего, давай её выпьем в Румынии. Я везде был, а в Румынии не был. Или пристрелят? А?

– То можно, – сказал рыбак.

Мы столкали лодку на воду, сели. Мотор взревел, мы понеслись к румынскому берегу.

– Вот тут, – кричал я, – наш Святослав, киевский князь... слышал? сказал: скорее камни со дна Дуная всплывут, скорее хмель утонет, нежели прервется русско-болгарская дружба! Вот тут, именно тут.

– То так! – кричал и кивал головой рыбак.

Обдуваемый ветром, обдаваемый брызгами, я чувствовал себя превосходно. И продолжал просвещать рыбака:

– Отсюда – именно отсюда, понял? – от Суворова ушла депеша, донесение Екатерине, императрице, – слышал? Депеша: «Слава Богу, слава нам, Туртукай взят, и я там». Турок гнал отсюда. А Святослав печенегов изгонял. Его предали, Святослава.

– Предал кто?

– Кто! Свои, кто! Славяне. А в эту войну наши гнали отсюда фашистов, вот! А теперь мы с тобой тут собрались.

Лодка ощутимо ткнулась в отмель, я даже со скамьи слетел. Вытащили лодку на берег. Не успели изъять пробку, как подошли трое румын. Но не пограничники, тоже, может быть, рыбаки. Они по-русски не говорили, рыбак им объяснил, что я из Москвы. Восторг был превосходительный. Но что такое бутылка сухого на пятерых, это несерьезно.

– Гагарин, – кричали румыны, – спутник, дружба! – И все примеряли на меня свои цыганские меховые шапки.

Дружба, оказывается, была не румыно-советская, а нефтепровод «Дружба», спасающий страны Варшавского договора.

Дружба дружбой, а одними словами ее не укрепишь. Мужики смотрели на меня как на старшего брата в социалистическом содружестве, как на представителя сверхдержавы, защищавшей их от нападок империализма, да и просто как на человека, экономически способного оплатить продолжение радости.

– Выдержит твоя лодка пятерых? – спросил я рыбака. – У меня только болгарские левы.

– Хо! – отвечал рыбак. – Левы они любят. Лишнего не давай.

Самый молодой румын умчался и примчался мгновенно. Принес какое-то «Романешти». Оно было хуже болгарского, но крепче. Очень интернационально мы выпили. И еще этот румын сбегал. И еще.

– Парни, – сказал я, – меня эта песня про Дунай заколебала. Давайте споём, а то она из меня не выветрится. Диктую: «Вышла мадьярка на берег Дуная, бросила в воду венки. Утренней Венгрии дар принимая, дальше помчался цветок. Этот цветок увидели словаки...» Я, правда, не понимаю, как мадьярка бросила венки, а дальше поплыл цветок, но неважно. Давайте разом. Три-четыре!

– Мадьяры – тьфу! – сказал один румын.

– Тьфу мадьяры, тьфу, – поддержали его два других.

– И словаки – тьфу! – сказал румын.

– Хватит тьфу, – сказал я как старший брат. – Давай еще беги.

Вскоре мы дружно ругали и Николае Чаушеску, и Тодора Живкова, и особенно крепко Брежнева. Оказалось, что все мы монархисты. Это сблизило окончательно. Правда, румын время от времени плевался и сообщал, что и поляки – тьфу, и чехи – тем более тьфу, а уж немцы – это очень большое тьфу, такая мать. Румын ругался по-русски.

– И сербы, и албанцы...

– Сербы не, – возразил мой рыбак. – Албанцы – то да, сербы – не.

Время летело. Начали обниматься, прощаться, меняться часами и адресами, В знак признательности румыны забежали в воду, провожая нашу лодку. С меня содрали оброк за то, что уезжаю.

Лодка наша петляла по межгосударственному водному пространству, будто мы сдавали экзамен на фигурное вождение. Румыны нам махали своими шапками.

На берегу... на берегу меня ждали Ваня и Петя. Конечно, меня легко было вычислить – русских тянет к воде. Я закричал им по-болгарски:

– На дружба на вечната на времената! Ура, товарищи! Каждой по пять чашек кофе, и немедленно. Я был в Румынии, чего и вам желаю. Там я вам нашел по кандидату в мужья. Мне же вас надо отучить от сигарет и кофе и выдать замуж к концу визита. Милко, жаль, ты женат, пошли с нами. Или грузим Ваню и Петю – и в Румынию.

– Румыны – тьфу, – сказали Ваня и Петя.

– Тьфу румыны, – подтвердил мой рыбак.

– Да что вы, японский бог, – сказал я. – Варшавский же договор. Так на кого же тогда не тьфу? Чур, на Россию не смей. СССР – одно, а Россия, Россия – это очень даже одно. Вот! – воздел я руки к небу в подтверждение своих слов – по небу проносился сверхзвуковой самолет-перехватчик МиГ.

– О, только без самолетов, – сказала Ваня или Петя, я их путал.

– Хорошо. Допустим. А допустить турок, вас истребляющих? А пляски печенегов и питье из черепа славян, а? Было же. Так само и буде, так?

– Вы, русские, сильно всех учите, вот в чём наша претензия, – сказали переводчицы.

– То так, – поддакнул им мой рыбак.

– Телёнка, – отвечал я, – тоже тащат насильно к вымени, а не подтащишь, умрет. Да, диктуем, тащим, значит, спасаем. Значит, перестрадали больше всех, испытали больше. Но и у вас учимся. Я ваши скальные монастыри навсегда запомню. Только почему они у вас уже не монастыри, а музеи?

– Вопрос из области диктата.

– Какой диктат – пожелание воскрешения церковной жизни. У меня диктат один – чтоб вы не курили, вы же чёрные уже внутри.

Мы уже сидели в прибрежном кафе. Петя и Ваня молча и оскорблённо пили кофе и курили.

– Хорошо, – нарушил я молчание, – все плохи, одни болгары да русские хороши. Но ведь это тоже гадательно. Мы для вас диктаторы. А мы, между прочим, вас любим, что доказывали. Вот тут Святослав, древнерусский князь...

– Ой, не повторяй, – сказали Ваня и Петя, – ты вчера это произносил. И про Суворова произносил. И про танк...

Она дернула плечом в сторону Т-34.

– И мне произносил, – настучал на меня пьяный рыбак.

– Тогда немного филологии, – повернул я тему. – Вы – русистики, слушайте. И следите за ходом рассуждения. Вот я, вы же помните, во всех монастырях, церквях, куда мы заезжали и заходили, я же там читал все надписи совершенно свободно, особенно домонгольские. Да даже и ближе. Так же и в Чехословакии, и у чехов, и у словаков. Но современный болгарский для меня непонятен. То есть? То есть я к тому, что мы раньше были едины и по языку, и по судьбе. А судьба – это суд Божий. Потом, может быть, со времен Святослава, может, позже, мы стали отдаляться. То есть своеобразное славянское вавилонское столпотворение. Мы стали расходиться, перестали понимать друг друга. Так?

– То так, – подтвердил пьяный рыбак.

– И что же должно произойти, чтобы мы стали вновь сблизиться, что? – спросил я. – Какое потрясение, какой, так сказать, катаклизм? Неужели дойдет до такого сраму, что кого-то будут из славян убивать, а остальные будут на это взирать? А?

Ваня и Петя прикончили кофе, докурили. Утопили окурки в чашках из-под кофе и объявили, что мне пора на званый обед.

Так что приходилось идти пить за дружбу. Между славянами.